

Александрова О.Н.

УДК 82(091)131.1

**ДЕГРАДАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
В ФУТУРАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ ДЖУЗЕППЕ Д'АГАТА
«АМЕРИКА О`КЕЙ»**

В романистике XX в. давно утвердился жанр романа-притчи, романа-параболы, романа-гротеска. Именно к такого рода произведениям обычно относят футуралистический роман-антиутопию современного итальянского писателя-сатирика Джузеппе Д'Агата (Giuseppe D'Agata, 1927) «Америка о`кей» («America oh key», 1984). В его основе лежит гипотетический мир будущего, построенный на переосмыслении событий шекспировской хроники «Ричард III». Эта пьеса Шекспира является частью «Хроники о короле Генрихе VI» (1592-1593) и повествует о реальных исторических событиях, в центре которых стоял Ричард III, король с 1483, последний из династии Йорков, брат Эдуарда IV, который занял престол, отстранив малолетнего Эдуарда V. В битве при Босворте (1485) он потерпел поражение и был убит.

Главный герой романа итальянского писателя, от чьего лица собственно и ведется повествование – Ричард – сын «папы», бога на земле, своим прототипом имеет шекспировского Ричарда III, обладает сходной внешностью с шекспировским героем. Эта схожесть персонажей, может, несколько нарочита, т.к. автор не просто проецирует внешность и личностные качества шекспировского персонажа на своего героя.

Пьеса Шекспира оказывается не только недоступным для большинства произведением художественной литературы в этом фантазмагорическом мире, она оказывается единственным источником развития интеллекта для Ричарда. Поэтому и отношение героя к ней сродни отношению религиозных фанатиков к Святому Писанию. Он не только сам находит параллели между событиями в пьесе и в своей жизни, даже в начале романа, описывая свою внешность, цитирует свою любимую книгу:

*«Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан, -
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают...» [1, 140], – читает он пьесу великого*

англичанина и сравнивает личину средневекового претендента на королевскую власть со своей фигурой. Герой Д'Агата также стремится к единоличной власти, Ричарду очень нравится обоснование его тезкой политики вседозволенности в достижении цели, которой и он решается воспользоваться:

*«Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней» [1, 141].*

Ричард, созданный Д'Агата, сознательно подражает «Ричарду III» Шекспира, более того, он пытается моделировать собственное бытие по сценарию жизни своего любимого литературного персонажа и задается вопросом: «Но этот неизвестный (неведомый) человек (человек, подбросивший Ричарду книги – О.А.), знал ли он, что у нас с Ричардом III гораздо – о гораздо, – больше общего, нежели одно имя?» [1, 141].

Остальные персонажи Д'Агата не менее символичны. Для их характеристики писатель обращается к библейской и античной мифологии, а также к римской истории. Как и в классической притче действующие лица в романе не наделены развернутыми характерами, они во многом – символы, реминисценции, слепки с других известных персонажей.

Так Марию, европейку, приехавшую в Великую Страну вместе со своим братом и друзьями, можно соотнести с как с Богородицей, так и с Марией Магдаленой. Но Д'Агата истолковывает ее в бурлескном, насмешливом тоне. Она призвана дать жизнь новому «поколению жителей старого континента, согласному мириться с культом вещизма» [1, С. 138].

Ее брат носит имя Брута, а спутниками становятся Кассий и Гораций, прототипы которых действительно боролись вместе против второго триумvirата, являясь организаторами убийства Цезаря. В создаваемой Д'Агата цивилизации они – бунтари, соотносимые с многочисленными современными молодежными тайными организациями террористического толка, которые собираются свершить мировую революцию. Более того, постмодернистская игра итальянского писателя с историческими фактами, биографиями известных людей и литературой позволяет ему проецировать жизнь римского поэта на своего героя: его Гораций трусит, отказывается от революционной деятельности и, в конце концов, переметывается на сторону сильного соперника. Так Д'Агата напоминает нам об известном стихотворении римского поэта в котором тот говорит о том, что однажды бежал с поля боя, бросив свой щит.

Триумvirат, который они собираются свергнуть, являет собой не столько церковь с ее тройным знаменем, сколько «святую троицу» кардиналов Матфея, Луку и Марка. Это родственники библейских евангелистов, такие же адепты новой религии, вот только все они снабжены соответствующими должностями (таким образом выстраивается вполне современная бюрократия).

Еще один кардинал – теолог Иоанн может быть сопоставлен с Иоанном Богословом, которому приписывается одно из канонических евангелий, Апокалипсис и 3 послания. В виду того, что Иоанн у Д'Агата был первым, кто увидел Ричарда на троне, «благословил» своим самоубийством нового папу, его прототипом также можно считать Иоанна Предтечу.

В своем романе Д'Агата создает антиутопический, полностью деградирующий мир. И эти разрушения затрагивают все сферы человеческого существования: экономику, государство, политику, природу, семью и самого человека.

Д'Агата описывает доведение до логического конца последствий экономического развития общества потребления, капитализма, приобретающего все более уродливые формы по мере убыстряющегося развития его производственных структур. И единственным вопросом, беспокоящим «правящие круги», становится проблема равновесия между производством и потреблением. «Производство не терпит удовлетворенного спроса и теряет смысл, если падает потребление» [1, 170]. Для разрешения ее призвана новая религия – «религия отказа». В результате – эффект потребления без потребления (не ради потребления, а для производства прибыли), возникает абсурдная формула: производство → свалка. Даже оседают они себя «лоб – грудь – живот», что обозначает символическую цепочку «производство → потребление → помойка».

Религия отказа основана на принципе уничтожения продуктов. Благополучие государства держится на производстве. В условиях перепроизводства гражданам вменяется в обязанность покупать и уничтожать товары. Ведь «вещам положено стареть в мусоре», куда их выбрасывают даже не надорвав упаковочную бумагу. Это единственный способ выживания для общества потребления.

Принципы религии отказа применимы не только к экономике страны. Рассуждая о преимуществах человеческого разума по сравнению с компьютером, Ричард приходит к следующим выводам: «Ум может совершать все новые и новые операции, вплоть до экстралогических, при условии, что запоминающее устройство способно постепенно аннулировать прежние результаты. Разум располагает ограниченной площадью. Степень прогресса в области познания определяется количеством мусора (устарелой информации) которое память в состоянии переварить и забыть. Идти по пути прогресса – значит забывать» [1, 149].

Политика распространения официальной государственной религии тесно связана с экономическими интересами правящей верхушки. Каждый из кардиналов, разрабатывая государственный план развития темпов производства, отстаивает прежде всего свои личные интересы: Марк предлагает сделать ставку на форсирование потребления готового платья; Матфей – за продовольственные товары; Лука – за книги. При этом никого из них не интересуют реальные потребности страны, ведь все эти товары нужны только ради их продажи и последующего уничтожения. Каждый гражданин обязан купить и утилизировать не менее 24 фунтов товара (в идеале – 45). При этом сами граждане могут жить впроголодь, не иметь новой одежды – использовать эти товары по назначению запрещено, преступно даже дотрагиваться до мусорных куч, загромождающих все пространство страны.

Экологическая ситуация в великой Стране находится на грани катастрофы, но гниющие кучи на улицах никого не шокируют, как не шокирует и мусор на полу не только в каждой отдельной квартире, но и даже в папском дворце, дворцовой кухне – мусор, это не грязь, а промышленные «отходы». Более того, престиж человека зависит от того, как много мусора он может себе позволить. Так создается иллюзорность социальных различий – граждане, точнее, потребители имеют разный достаток, но они равны между собой, а возможности их отличаются друг от друга количеством выброшенных товаров.

В подобном состоянии помойки находятся и политика, и управление страной. Примечательно, что Эдуард, глава Великой Страны (под которой Д'Агата подразумевает США), не видит смысла продолжать управление государством, на будущее которого он смотрит достаточно пессимистично: «Пришельцы из космоса найдут нашу планету полностью покрытой мусором. Единственным звуком, который они услышат, будет бряканье консервных банок, перекатываемых ветром» [1, 171].

Внешняя политика Великой Страны определяется интересами промышленных концернов. Правительственная верхушка относится к европейцам как к дешевому рынку рабочей силы. Только для этого и велась полководцем Георгом победоносная война с использованием атомного оружия Р, уничтожающего только материальные ценности, и оставляющего в живых людей. В результате этой блестящей операции в Великую Страну был доставлен миллион рабов, ведь экономика «постоянно нуждается в рабочих руках, обеспечивает прекрасные заработки и растущие масштабы потребления...» [1, 155]. Но политикам всегда надо сохранять «хорошее лицо», поэтому кардинал Лука объясняет прибытие военнопленных так: «Мы решили открыть границы нашей традиционно гостеприимной страны для одного миллиона тружеников из Европы – бедных безработных» [1, 155]. Побежденной в результате атомной бомбардировки Европе предлагается материальная помощь, ставящая европейцев в вечную зависимость от завоевателей. Ведь эта помощь не бескорыстна: все товары отправляются туда ради доходов, для продажи.

Брат Ричарда аббат Бостонский Иоанн – по сути является истинным правителем великой Страны. Он – «серый кардинал». Его нередко называют – «гласом божьим, или просто голосом» [1, 149], так как именно он произносит то, что хотел бы сказать папа. А так как никто и никогда не слышал от папы ничего кроме невразумительного мычания или отдельных слов: «браво, браво», «верно, верно», «правда, правда», то никто не знает, что шепчет папа на ухо Иоанну, что дает последнему трактовать любые события так, как выгодно только ему.

Этот человек – истинный политик. Граждане его страны почему-то уверены, что добрее Иоанна нет человека во всей стране. Но свойственная ему доброта – всего лишь ловкая политическая игра: например, он пытается защищать преступника – бедняка в поношенных ботинках, посмеявшегося вытащить из кучи мусора новую обувь, он тут же соглашается на его казнь, когда судом доказывается бесполезность этого человека для производства, так как он инвалид и не может работать. Его доброта – это всего лишь маска, ловкая политическая игра, как теперь говорят: «Сознательное создание имиджа». Сам Иоанн занимается грязной политикой от имени папы. Поэтому все непопулярные в обществе, но необходимые для власти действия он совершает чужими руками, а сам при этом считает, что остается «младенчески чист и невинен» [1, 150].

Виртуозно воспользовавшись литературным наследием Дж. Д'Агата создал произведение, высмеивающее современное ему общество, в котором нет места ни индивидуальности, ни таланту. Этому социуму нужна только усредненность. Слова «Не забывай, что ты не такой, как все. Если хочешь стать кардиналом, стань сперва как другие» [1, 145] становятся руководством к действию для всех персонажей.

Рожденное капитализмом общество потребителей постепенно теряет способность читать, писать («арифметические и алгебраические знаки не в счет» [1, 139]), и вот уже язык заменяется языком междометий. А язык восклицаний самый красноречивый, самый краткий. Причем этот диалог универсален. Автор приводит две расшифровки возможной беседы своих персонажей. И обе – весьма убедительны:

т.е.:	или:	
- Э!	- Слушай, сын.	- Муж! У нас будет еще один ребенок!
- А!	- Слушаю тебя, отец.	- Отличная новость, жена!
- У!	- Я тебе говорил, надо сеять кукурузу	- Тебе придется больше работать!
- И!	- Я забыл.	- Пустяки!
- О!	- Какой ты у меня глупый, сын.	- Ты лучше всех мужей на свете!

С точки зрения главного языковеда Великой Страны «две сотни необходимых слов», составляющих интеллектуальный минимум школьной программы даже несколько завышен, так как «на самом деле достаточно гораздо меньшего количества» [1, 139].

Проблема образования тесно связана с эстетикой прекрасного. Но чувство прекрасного в этом обществе также зависит от купли-продажи. Даже идеал женщины в великой стране – прекрасная Анна, жена

старшего папского сына Георга сравнивается с кучей мусора. Это воплощение женственности настолько прекрасно, что, когда «она проходит, друзья, мусор блестит, как бы обретая былую – эфемерную – жизнь новых, только что купленных вещей» [1, 153]. Да и галантное обхождение с дамой допускает использование подобных комплементов: «Куколка! Ты – лучший экземпляр нашего женского ассортимента» [1, 153]. Как тут не вспомнить шекспировского Глостера, сравнивающего Анну с ангелом, называющего ее святой, утверждавшему, что для него «...ваша красота – вся радость, так же / Как миру – солнце. Свет она и жизнь» [2, 33].

Античный идеал гармоничного развития разума и тела в этом мире недостижим. Ричард умен, но уродлив; Анна прекрасна, но ей не под силу выучить даже две сотни слов обычного словарного запаса среднего человека – она обходится каким-то десятком; Иоанн умен и красив, но его красота порочна, слишком женственна; Георг, вполне подходящий на роль мужественности – воистину тупой солдафон, убежденный в том, что «если военный не на боевом посту, то его долг в том, чтоб напиваться» [1, 154].

Д'Агата пытается определить место интеллигенции в обществе потребления. Его главный герой не просто самый образованный человек в государстве. Он выступает в роли хранителя культуры, и сам осознает свою значительность, так как «Письмо у нас фактически исчезло. Если б не я, письменность вообще бы уже умерла» [1, 139]. И это высказывание во многом справедливо. Ведь книги, издаваемые в этой стране – «обычные ненапечатанные книги» [1, 143] (это муляжи, в них отсутствует текст), издаваемые только для совершения ежедневного ритуала отказа, т.е. попросту выбрасываются на свалку.

Воистину в этом мире, где живут одни лишь митрофанушки, Ричард может похвастаться неплохой образованностью: цитирует по латыни, читает Шекспира, знает о существовании грамматики. Но именно он проводит своеобразные «языковедческие изыскания», подводит идеологическую базу под пропаганду всеобщей безграмотности: «Долой грамматические пути (непреложные законы)! Язык восклицаний – самый красноречивый! Самый передовой. Универсальный. Он возвращается не просто к музыке, а к звуку в его первозданной чистоте. ... прибавьте жестикуляцию и мимику – знаки, по праву заменяющие любые слова, и вот вам диалог» [1, 139].

Герой Д'Агата – писатель. По сравнению с остальными персонажами – он интеллеktуал. Процесс создания книги для него – еще один способ проявить свою исключительность. Он твердо знает, что у его исторического тезки был кто-то, кто описал его жизнь. «Я не знаю никого, кто мог бы поведать о моих подвигах (ах), о событиях, героем которых мне предстоит стать (сделаться), так что приходится самому составлять этот отчет (хронику)» [1, 142]. Создание хроники, с его точки зрения просто необходимо если не для гипотетических читателей из будущих поколений, то «ради еще одного Ричарда» [1, 142].

Надо признать, что Ричард действительно талантлив. В нем пропадает ученый. Он самостоятельно расширил свой лексический минимум, используя для поиска новых слов старые приключенческие книжки. Ему удается, используя старый учебник электроники, самостоятельно сконструировать внутреннюю телевизионную сеть для подглядывания за обитателями дворца.

Научные изыскания нужны ему для самоутверждения. Он знает, что власть, эта «упойительная штука» [1, 140], может принадлежать небольшой горстке людей, умеющих читать и писать. А сам он не занимает достойного, с его точки зрения, места в этом обществе, выступает в роли шута, идиота, безобидного паука.

Это избранничество героя может осуществиться только через власть, власть всемерную и ничем не ограниченную. Ради этой власти Ричард «решился стать подлецом и проклял ленивые забавы мирных дней» [1, 138]. Но методы политики «грязных рук» с использованием шпионажа и шантажа вызывают омерзение даже у столь циничного и жестокого человека как герой д'Агата. Сам процесс подглядывания и подсматривания не приносит ему никакого удовольствия, нагоняет тоску, как с гордостью заявляет сам Ричард – «*Taedium vitae*».

Для всех героев романа «Америка о'кей» власть неотделимо от преступления. Поэтому и Ричард начинает свой путь к власти с кровавых преступлений, с убийства матери. На первый взгляд он совершает это в состоянии аффекта – он только что узнал о том, что он бастард, о том, что мать не сожалеет об убийстве его настоящего отца – дворцового садовника.

Нет, Ричард холодно объясняет матереубийство как восстановление справедливости: «Теперь остается поглядеть, какая половина здоровая, а какая гнилая» [1, 152]. Даже такое обычное проявление человеческих эмоций как слезы Ричард воспринимает как доказательство собственного избранничества – ведь «здесь никто не умеет плакать» [1, 152]. И не важно, что эти слезы кровавые, т.е. пополам с кровью матери.

Таким образом происходит разрушение всех личностных и общественных связей в антиутопическом мире, созданным Джузеппе д'Агата.

В свое время Е. Шацкий отметил, что «мир негативных утопий - это мир огромных всеохватывающих организаций, располагающих неограниченными техническими возможностями, благодаря которым решается извечная проблема всех реализаторов утопии: как добиться того, чтобы люди безропотно принимали то, что без их участия было признано наиболее для них подходящим. Эти чудодейственные технические средства позволяют либо произвольно манипулировать «нормальными» людьми, либо создавать послушных гомункулусов, которыми можно управлять при помощи простейших физических стимулов» [3, 158]. В романе Дж. д'Агата «Америка о'кей» это манипулирование было окончательно доведено до абсурда.

Источники и литература:

1. Д`Агата Дж. Америка о`кей / Дж. Д`Агата; пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой и Е. М. Солоновича; вступ. ст. Г. Смирнова // Иностранная литература. – 1987. – № 1. – С. 136-176.
2. Шекспир В. Исторические драмы / В. Шекспир; [пер. с англ.]. – Л. : Лениздат, 1990. – 768 с.
3. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий; пер. с польск. В. А. Чаликовой; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 102-109.